

персон», светский этикет. В отличие от П. А. Толстого, которого не волновала мысль, каким он выглядит в чьих бы то ни было глазах, Б. И. Куракин с беспокойством пишет, как ему лучше себя держать в европейском «свете», как следует одеваться, где и что из платья лучше покупать. Даже города Европы он рассматривает с точки зрения возможного приятного времяпрепровождения.

Б. И. Куракин поглощен стремлением образоваться по-европейски, хотя вначале он понимает под этим только внешнее, показное. Однако через некоторое время он постигает не только внешнюю сторону культуры Европы. Его записи 1711 г. значительно отличаются от того, что им же написано в 1707 г. За три-четыре года он приобрел глубокие познания европейской жизни, изучил современное европейское искусство. Он со знанием дела судит о вокальном исполнении Николлини, о музыкальном таланте Генделя, о произведениях живописи. От посещения в 1711 г. «королевского дома» у него осталось сильное впечатление об одном портрете: «Между всеми видел одного удивительного мастерства портрет одной полу женского, которая при свече сидит, гораздо простой, стены от огня натурально написаны».

Путевые записки «Неизвестной особы», П. А. Толстого, Б. И. Куракина, А. А. Матвеева, Б. П. Шереметева и других деятелей петровского времени содержат в себе много и общего и индивидуального. Для всех авторов общим является стилевое смешение как определенная литературная система. Это было характерным и для литературы древней Руси. Но в древнерусской литературе смешивались в одном произведении традиционные, издавна существовавшие и ставшие привычными стилевые элементы, в путевых записках петровского времени это смешение носило качественно иной характер. Здесь смешивалось старое и новое, старые формы использовались для выражения нового содержания, обусловленного рационалистической системой взглядов.

Всех путешественников роднит уважительное, порою восторженное и вместе с тем критическое отношение к европейской жизни. Так, А. А. Матвеев восторженно говорит о любезности парижан, об изяществе обращения француженок, о гуманном воспитании детей, об относительной свободе в быту и о многих других сторонах французской жизни. Он видел поражавшую воображение роскошь двора Людовика XIV и вместе с тем не прошел мимо бедственного положения народа, за счет которого существовало придворное великолепие. Проезжая по селам Франции от города Меле до Парижа, он замечает: «Но поселянство в тех селах от поборов королевских изнуренное, в конечной пребывает скудости, лошади и ослы и скот гораздо мелок». Критические суждения внедрялись в сознание современников и самим Петром I, который, по отзывам В. О. Ключевского, возражая неумеренным восторгам относительно парижских обычаев и манер светского обхождения, заявлял: «Хорошо перенимать у французов науки и